

ально новое явление в житийном жанре: в риторический, морально-назидательный, церковно-служебный по своим задачам жанр проникают узко местные народные предания, не связанные в своей первооснове ни с монастырем, ни с церковью.

Как уже отмечалось выше, и с точки зрения житийного жанра и со стороны церковно-канонических требований для житий обязательны рассказы о чудесах святого. Рассказы о прижизненных чудесах входили в собственно-житийную часть произведения; рассказы о чудесах, совершившихся после смерти подвижника, составляли особый раздел жития, следующий за собственно житийной частью произведения. Эти рассказы, как правило, наиболее близки к реальной жизни, часто носят характер документальных записей. В разделе чудес агиограф был менее всего связан обязательным соблюдением риторических правил житийного жанра: каждое чудо представляло собой отдельный самостоятельный рассказ о каком-то событии, и рассказ этот мог быть либо сухой протокольной записью в несколько строк, либо развернутым повествованием, длительным во времени и сложным своими перипетиями. И эти традиционные и обязательные разделы житий являлись тем материалом, который сильнее всего действовал разрушающе на строгие каноны житийного жанра. Наряду с сухими протокольными записями о том, что такого-то числа такой-то человек получил исцеление у гроба святого, либо в его монастыре, либо помолившись ему дома или в пути, — в этом разделе житий встречались и рассказы, насыщенные жизненной реальностью, напряжением человеческих чувств и переживаний, динамикой сложных ситуаций, жизненно-простым отношением к несчастьям, страданиям, невзгодам простого смертного. Рассказы о чудесах подчас становились не столько прославлением величия и беспредельности божественной воли, проявляющейся в наказании и прощении, даруемыми через святых смертным людям, сколько повествованием о ярких, достопримечательных событиях из жизни людей. И в этом отношении в севернорусских житиях могут быть особенно выделены чудеса, в которых повествуется о спасении людей, погибавших в море. В рассказах этого рода присутствует элемент чудотворения; святой выступает как спаситель. Однако не это составляет главное в чудесах подобного рода. И святой, и мотивы чудотворения здесь явно на втором плане — это дань жанру; сущность же такого рода чудес — в желании поведать о суровых буднях поморов. Каждый рассказ о таком чуде — живая, яркая картина действительного события. Как правило, рассказы эти насыщены сложными перипетиями, язык их обильно уснащен диалектными формами, поморскими терминами. Рассмотрим в этом плане некоторые чудеса из Жития Савватия и Зосимы Соловецких.

Среди чудес, записанных в первой четверти XVI в. (между 1514—1527 гг.) игуменом Вассианом,²⁰ три чуда — рассказы некоего старца Савватия. Все они, так или иначе, связаны с мореходной тематикой, отличаются живостью изложения, сюжетным характером. Первый из рассказов Савватия — рассказ «о двух человецех, страждущих на Шужмой острове».²¹ Вот что рассказал старец Савватий Вассиану. Произошло это событие при игумене Исаяи. Незадолго перед пасхой Исаяя, выйдя встревоженный из своей кельи, неожиданно обратился с такими словами к братии: «Кто, рече, братия, от вас хочет потружиться до острова Шужмой?». (Остров этот от монастыря находится в 60 верстах.) Рассказчик продолжает: «Нам же вопрошающим о вещи: „Что ради, отче, тако

²⁰ См.: Ключевский, стр. 203. Напомним, что в Жития Савватия и Зосимы чуда пополнялись на протяжении XVI и XVII вв.

²¹ Текст цитируется по списку ИРЛИ, Карельское собр., № 131.